

Ф. М. Достоевский и Т. Г. Масарик. Трагический гуманизм и философия кризиса*

П. Незник¹, Л. Е. Артамошкина²

¹ Университет Павла Йозефа Шафарика,
Словакия, 040 59, Кошице, ул. Мойзесова, 9

² Мемориальная квартира Льва Гумилёва,
Российская Федерация, 191040, Санкт-Петербург, Коломенская ул., 1/15

Для цитирования: Незник П., Артамошкина Л. Е. Ф. М. Достоевский и Т. Г. Масарик. Трагический гуманизм и философия кризиса // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023. Т. 39. Вып. 4. С. 632–644. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.403>

В статье представлен сравнительный анализ взглядов Ф. Достоевского и Т. Масарика на характер гуманизма в кризисные эпохи. Авторы фокусируются, во-первых, на отношении обоих мыслителей к «последним» вопросам человеческой жизни, которые для русского писателя и для чешского философа непосредственно связаны с проблемой самоубийства. Достоевский, чьи романы содержат целую галерею типов самоубийц, рассматривает эту социальную болезнь в контексте атеистической логики, порождающей «нигилистическую бесовщину». Масарик выводит проблему самоубийства из области психологии и психопатологии, анализируя ее философско-исторический смысл и социальные последствия. Торжество атеизма и нигилизма представляется обоим мыслителям предвестием грядущих революционных потрясений, языческого восстания масс. Во-вторых, в статье демонстрируется, каким образом в ситуации кризиса христианства, который сделался болевой осью всей европейской цивилизации в конце XIX — начале XX в., происходит обновление содержания гуманизма в соответствии с вызовами времени. Достоевский, предвосхищая появление «новой стихии» в мировой истории, намечает контуры решения «русского» и «славянского» вопросов. Он остается сторонником мистического единства национального принципа и религиозности и утверждает искупительную силу христианского гуманизма, благодаря которой в каждом падшем человеке просвечивает образ Божий. Масарик последовательно критикует реликты мифологического сознания с позиций классического принципа разумности и гуманизма, который понимается им как явление наднациональное — ненасильственная форма жизни, достигаемая не экстенсивно, а интенсивно, через деятельное очеловечивание себя. В диалоге с Достоевским чешский мыслитель преодолевает трагическое переживание философско-исторического кризиса, предлагая позицию «конкретизма и плюрализма», позволяющую воспринимать реальность в ее целостности и культивировать любовь к отдельному человеку.

Ключевые слова: Достоевский, Масарик, философия кризиса, трагический гуманизм, самоубийство, восстание масс, славянский вопрос.

* Исследование выполнено в рамках проекта ВЕГА № 1/0257/20 «Концепт женщины-героини в средневековой экзегетической литературе», поддержанного Агентством научных грантов Министерства науки, исследований и спорта Словацкой Республики и Словацкой Академии наук.

Исследование поддержано грантом Российского научного фонда № 22-18-00214 в Балтийском федеральном университете имени Иммануила Канта, <https://rscf.ru/project/22-18-00214/>.

Введение

Достоевский был и еще, наверно, долго будет оставаться для многих поколений читателей самым сложным, глубоким и загадочным европейским писателем. Лев Шестов в книге «Достоевский и Ницше. Философия трагедии» высказался об этом так: «Для нас Достоевский — психологическая загадка. Найти ключ к ней можно одним способом — держась возможно строго истины и действительности» [1, с. 466]. Но есть еще и другой, не менее важный повод обратиться к наследию Достоевского. В сравнении с ним мало кому из русских мыслителей удалось проанализировать с такой точностью и непредвзятостью самые интимные глубины души своего народа. Никто другой не пытался понять исторические и социальные факты как проявление русского характера и предложить собственное психологическое объяснение основных движущих сил русской жизни, как государственной, так и народной, как это сделал Достоевский. Чешский философ, социолог, политик Томаш Гарриг Масарик (1850–1937) ценил русского мыслителя именно за это. «Достоевский — крупнейший русский социальный философ, по его произведениям мы лучше всего можем узнать Россию. Хороших и ценных книг о России, безусловно, немало; европеец может судить по ним об отдельных установлениях и о России в целом, о русской истории, о правящих классах и о царском дворе, о революции и т.п. <...> но это все предлагает нам частности и целое как мертвую схему — в Достоевском мы имеем целостную и живую Россию» [2, с. 9–10].

Масарик признавал не только на словах, но и на деле, что понять и верно и правдиво интерпретировать мысли Достоевского всегда было очень сложной задачей, поэтому призывал приступать к делу интерпретации с большей осторожностью и ответственностью. Для успешного понимания Достоевского важно выполнить основное условие — некоторое время жить «вблизи» Достоевского и стремиться выстроить общение с его героями, может быть, позднее вступить в диалог с ним самим. Тем более что наследие Достоевского многослойно, ведь он не только известный романист, но и литературный критик, яркий социальный публицист и ангажированный острыми проблемами современности журналист. Особенное внимание следует уделить «Дневнику писателя», который можно рассматривать как аналитический комментарий к его романам. Масарик полагал, что посредством компаративного анализа получится более детально и основательно погрузиться в сложное интеллектуальное закулирье романов Достоевского, проникнуться внутренней мотивацией творчества писателя, который сумел изобразить всеобъемлющую картину современной ему России сквозь призму вечных философских вопросов. Предлагаемое исследование ставит своей задачей сравнительный анализ взглядов Достоевского и Масарика на характер гуманизма в кризисные эпохи как с точки зрения отношения обоих мыслителей к предназначению человека, так и в контексте его роли во всемирно-историческом процессе.

Кризис гуманизма и проблема самоубийства

Трагизм судьбы Достоевского, в которой Л. Шестов увидел судьбу Прометея, обусловил глубоко личный интерес Масарика к жизни и творчеству русского писателя. Для него, как и для Н. Бердяева, «Достоевский был не только великий художник, но также и великий мыслитель и пророк» [3, s. 11]. Предельные вопросы жизни и смерти для самого Масарика выразились в обращении к проблеме самоубийства. Йозеф Лукл Громадка (1889–1969), ученик Карла Барта, профессор теологии и протестантский проповедник, проливает свет на причины акцентированного интереса Масарика к этой проблеме. В книге «Масарик» Громадка, обратившись к биографии чешского мыслителя, указывает, что еще ребенком он впервые столкнулся с пугающей реальностью смерти. Это было самоубийство молодого слуги, работавшего на конюшне. «С тех пор ворота, на которых я увидел повесившегося человека, по-настоящему знакомого мне человека, стали табу, я больше не смог перешагнуть порог конюшни и стремился обходить это место издали с постоянным чувством ужаса. Я еще и сейчас, совсем как ребенок, вижу в самоубийстве нечто страшное, при мысли о самоубийстве чувствую в себе пережитый ужас — нечто темное и совсем неестественное, (невозможное!)» [4, s. 43–44]. Так травмирующее детское впечатление столкнуло Масарика с «последними» вопросами, касающимися жизни, смерти и бессмертия души человеческой. И Достоевский оказался для него незаменимым собеседником.

Во втором издании своей книги «Самоубийство как массовое явление общественного просвещения» (1881) он, переводя текст с немецкого на чешский язык (1926), упоминает своего «собрата» и верного спутника интеллектуальных поисков — Достоевского: «Как *motto* я приклеиваю к этому изданию несколько цитат из Достоевского, мысли которого для меня во время работы над книгой “Самоубийство” были неизвестны. Моя мысль была выражена в удивительном согласии с Достоевским» [5, s. VIII]. Интересно проследить, какие идеи Достоевского заинтересовали Масарика и в чем они совпали с ведущей линией его собственных размышлений. В фокусе его внимания «Бесы» (1871–1872) и «Дневник писателя» за 1876 г. — тексты, в которых обсуждаются темы веры и неверия в Бога, т. е. «последние» вопросы человеческой жизни, которые непосредственно связаны с проблемой самоубийства. «Теизм-атеизм — это был для Достоевского кардинальный вопрос, вопрос бытия или небытия человека, отдельной личности, русского народа и человечества в целом» [6, с. 26].

В работе, посвященной социальной аналитике самоубийства [5, s. XV], Масарик раздумывает над известным фрагментом романа «Бесы», в котором атеизм, воинствующее неверие, сопрягается с логической необходимостью самоубийства: «Я не понимаю, как мог до сих пор атеист знать, что нет Бога, и не убить себя тотчас же. Сознать, что нет Бога, и не сознать в тот же раз, что сам Богом стал — есть нелепость, иначе непременно убьешь себя сам. Если сознаешь — ты царь, и уже не убьешь себя сам, а будешь жить в самой главной славе. Но один, тот, кто первый должен убить себя сам непременно, иначе кто же начнет и докажет? Это я убью себя сам непременно, чтобы начать и доказать. Я еще только бог по неволе, и я несчастен, ибо обязан заявить своеволие <...>» [7, s. 552]. Для русского писателя такое «логическое самоубийство» — единственно возможная манифестация свободы

для материалиста, атеиста и нигилиста, оскорбленного непреложной властью «всесильных, вечных и мертвых законов природы» [8, с. 322], которые, по словам Кириллова в «Бесах», есть «ложь и диаволов водевиль» [7, с. 552]. Не только на страницах романа, но и в главе «Приговор» Дневника за 1876 г. Достоевский представляет новый психологический тип «нигилистического человекобога <...> хозяина жизни и смерти» [5, с. 30], позволяющего себе пренебрегать всеми и всяческими социальными контрактами вплоть до убийства других людей и себя самого. «Матерьялист» N. N. из «Приговора», назначив себя одновременно истцом и ответчиком, судьей и подсудимым, путем цепочки логических выводов оглашает следующий, как будто нашептанный врагом рода человеческого приговор: «...я присуждаю эту природу, которая так бесцеремонно и нагло произвела меня на страдание, — вместе со мною к уничтожению... А так как природу я истребить не могу, то и истребляю себя одного, единственно от скуки сносить тиранию, в которой нет виноватого» [8, с. 322]. Трактовка inferнальности смысла самоубийства Масариком близка мыслям русского философа С. И. Гессена, который также обращался к этой проблеме у Достоевского [9, с. 52–53] и с которым Масарик был знаком.

Однако для чешского мыслителя речь идет уже не столько о психологическом типе, сколько о социологической тенденции. Разматывая «клубок нигилистической бесовщины» [6, с. 104], Масарик раскрывает ее философско-исторический смысл и социальные последствия: «Итак, убийство и самоубийство последовательно вытекают из атеизма, однако между этими двумя следствиями есть существенное различие: убийство — низшая, а самоубийство — высшая ступень проявления собственной воли. Право на убийство и самоубийство, разумеется, означает отрицание России, полное отрицание русской истории, тысячелетней русской культуры, отрицание русского отечества, отрицание русского народа и в первую очередь отрицание русской веры» [6, с. 31]. Масарик акцентирует внимание на известном соображении Достоевского из раздела «Голословные утверждения» Дневника за 1876 г. о том, что «без высшей идеи не может существовать ни человек, ни нация. Но высшая идея на земле *лишь одна* и именно — идея о бессмертии души человеческой, ибо все остальные “высшие” идеи жизни, которыми может быть жив человек, лишь из нее одной вытекают» [8, с. 389]. Только с верою, и посредством нее — продолжает он далее выписки из Достоевского — человек ухватывает свое предназначение на земле. Без уверенности в бессмертии собственной души связи человека с землей рвутся, смысл жизни утрачивается, что и приводит к самоубийству. Социальные последствия такой мировоззренческой позиции чреваты грядущей исторической трагедией. «...У кого нет народа, у того нет и Бога — так в “Бесах” коротко и четко формулируется тесная взаимосвязь между патриотизмом и теизмом, между атеизмом и революцией. Атеизм-нигилизм-революция для Достоевского синонимы» [6, с. 31]. Вслед за Достоевским и Ницше чешский мыслитель в победном шествии нигилизма по Европе усматривает предвестие грядущих революционных потрясений и задумывается о роли религии в жизни человека и общества.

Еще в студенческие годы Масарик открыл для себя глубину мысли Платона. По его собственному признанию, именно великий греческий мудрец помог ему найти некоторые ответы на те вопросы, которые волновали его с детских лет. Самоубийство есть насилие души над собой. Душа совершает поворот «в себя» и в самой себе эгоцентрически производит насилие над собой, которое объективируется

в убийстве себя, как выходе «из себя». Здесь сопрягаются два вида насилия: ориентация в себя, т. е. внутреннее насилие души над самой собой, и насилие, направленное во вне через убийство себя, — насилие над душой другого человека. Насилие двух этих видов приобретает характер массового явления в европейском обществе по крайней мере с XVII в. Именно таким образом Масарик характеризует феномен самоубийства в оптике социологии и философии. Как и Достоевский, он чрезвычайно чувствителен к болезням современного ему мира. В IX главе «Убийство и самоубийство» уже цитировавшейся книги «Россия и Европа» Масарик, опираясь на идеи Достоевского, демонстрирует, к чему ведет нигилистический атеизм, каковы его логические следствия: «...атеист убивает себя или кого-либо другого, если на какое-то время его не задержит карамазовщина, но все же в конце концов дело дойдет до последнего вопроса: быть или не быть; логика атеизма побеждает с неумолимой последовательностью. Прежде всего нам должно быть ясно различие между “логическим” следствием атеизма и психологической мотивировкой этого следствия в каждом отдельно взятом случае. <...> Мы будем судить и оценивать всякий отдельно взятый поступок не только психологически, но и социологически и исторически, т. е. как данный социальный и исторический факт» [6, с. 109]. Масарик намеревается обнаружить «метафизический скелет» идеи *in abstracto*, анализируемой Достоевским *in concreto* при помощи художественных средств на примерах человеческих действий и поступков. Повторим, для него «Достоевский — поэт социальный и социологический, он наблюдает за русской общественной жизнью с точки зрения философии истории, в особенности стремится понять смысл и значение своей эпохи, в первую очередь нигилизм как великое историческое движение от Петра и по настоящее время. Старается изобразить борьбу веры с неверием, охватившую массы, показывает, как осколки великих идей, проникая в человеческую жизнь, проявляются в людях *in concreto* в самых разных поступках, так что их нельзя охватить логической связью в отдельных случаях и в отдельных моментах» [6, с. 110].

Описанное Достоевским столкновение веры с неверием Масарик переводит из экзистенциальной и психологической размерности в социологическую. Формулу Достоевского, использованную им применительно к атеизму, чешский философ считает верной в отношении психологии и психопатологии личности. В социальном аспекте эта формула представляется ему ошибочной. «Из атеизма нельзя как следствие выводить ни великие массовые революции, ни русскую революцию; революции выступают против теократии, против государства и церкви, однако их надо оценивать не только в данный конкретный момент, но с учетом их исторической подготовки и развития» [6, с. 121]. Поэтому у Масарика, в свою очередь, возникает потребность переформулировать вопрос о религии в соответствии с вызовами времени. Он проблематизирует статус религиозного вопроса: «Сегодня религиозная проблема звучит так: возможна ли религия без откровения? Может ли быть носителем религии человек, мыслящий научно, критически, философ — и если может, то какой религии?» [10, с. 202]. Ответы на этот вопрос у Достоевского и Масарика не совпадают. Чешский мыслитель считает, что «Достоевский стал апологетом третьего Рима, стал авгуром русского Бога» [6, с. 90] в силу утверждаемого им мистического единства национального принципа и религиозности. Сам же Масарик последовательно критикует реликты мифологического сознания,

используемые в философских конструкциях¹. Это позволяет ему оставаться сторонником классического принципа разумности и гуманизма, который понимается чешским мыслителем как явление наднациональное — иная, ненасильственная форма жизни, достигаемая путем нравственного совершенствования человека, который в религии, культуре, в идеях любви и братства признает высшую форму власти над собой. В такой универсалистской парадигме гуманизм, согласно Масарику, следует осмысливать и реализовывать «не только экстенсивно, но и интенсивно — как энергичное стремление к человечности, к очеловечиванию» [6, с. 134]. Его *credo* формулируется следующим образом: «Мы больше всего сделаем для своего народа и остальных народов очеловечиванием самих себя» [6, с. 134]. Эти размышления и выводы впоследствии будут аккумулированы в труде Масарика «Современный человек и религия» (1934), где обосновывается вполне очевидный для чешского философа тезис об ответственности человека за все совершаемые им поступки. Вера не означает для него пассивное ожидание помощи «сверху». В беседах с известным чешским писателем К. Чапеком, оставившем для потомков «портрет души Масарика» [12, s. 348], президент-основатель достаточно часто акцентирует внимание на гуманистическом содержании религии. «Практически отношение человека к человеку в жизни — самое важное. Человек к человеку испытывает врожденное чувство любви, симпатии, дружественности и человечности; чувство это, оправданное само по себе, не может и не должно быть доказываемо, объясняемо — оно просто есть. Однако оно может быть усилено, углублено, облагорожено; религия, главное — вероучение Иисуса — есть культура любви» [13]².

Россия и Европа: языческое восстание масс и христианский гуманизм

Масарик выявляет важную для осмысления проблемы кризиса гуманизма связь между социальным и философским уровнями анализа. Рефлексия истории европейского гуманизма интеллектуалами его эпохи была обращена к необходимости самопонимания Европой пройденного ею пути. Такое самопонимание, по мысли Масарика, возможно через обращение к опыту России. Достоевский для Масарика в первую очередь «философ истории русского вопроса», поэтому проникновение

---

¹ Современник Т. Г. Масарика чешский философ Э. Радл (1873–1942) в книге «История философии I» (1932) подчеркнул стремление Масарика строгим образом отделять миф от критического мышления. «Одним из основных постулатов Масарика является разграничение мифа и критического мышления. Он делает это во всех своих произведениях, от “Конкретной логики” до “России и Европы” он все время это повторяет. <...> “Содержание истории представляет особая борьба критического разума с мифом” — именно эти слова он высказывает в конце “России и Европы” — крупнейшего философского произведения нашей литературы» [11, s. 47].

² Тема христианской любви не замыкается у Масарика исключительно богословскими проблемами, она размыкается в жизнь в связи с любовью к женщине, жене. Й. Л. Громадка в главе «Госпожа Масарик» [4, s. 34–49] своего биографического исследования указывает, что супруга была для мыслителя самым важным человеком в его поисках жизненного пути. Он цитирует Масарика: «От нее я получил самое важное из протестантизма в свою жизнь: единство религии и жизни, религию для повседневности...» В том числе и это обстоятельство указывает на переключку судеб Масарика и Достоевского, выразившееся во влиянии их супруг на их жизни. К теме любви и супружеской жизни женщины в союзе с гением см. интересные тексты современной словацкой исследовательницы Анабелы Катреничовой [14; 15].

в мир Достоевского позволяет многое предвидеть не только в идейном, идеологическом, но и в геополитическом движениях XX в. Если Европа может понять себя в свете своего отношения к России (для Масарика чрезвычайно важен этот лейтмотив «Дневника писателя» Достоевского), то «русский вопрос» должен быть включен в контекст общеевропейских проблем³. «Я понимаю русский вопрос — а так и необходимо его понимать — как всемирный вопрос философии истории, и Достоевский в этом лабиринте проблем — хороший проводник» [2, с. 9–10].

К первой трети XX в. Достоевский становится самым популярным на Западе русским писателем, и даже более чем писателем — наставником жизни, религиозным учителем. Это происходит именно потому, что проблему человеческого существования Достоевский ставит над всеми прочими — социальными или политическими, — *ею он высвечивает все стороны жизни*. Запад обращается к Достоевскому в то время, когда им овладевает сомнение в отношении подлинного существа человека, когда экзистенциальные вопросы обращаются не к его «личине» в социуме, а к нему самому. Идеи Достоевского приобретают особенное значение именно в ситуации кризиса гуманизма — особенно после Первой мировой войны, — в ситуации крушения веры в человека, которая с эпохи Ренессанса была основанием европейской цивилизации. Тенденции эпохи модерна к расширению, взрыву обернулись «неслыханными переменами, невиданными мятежами». Наступило время, когда судьбы мира сделались судьбами каждого человека.

Масарик в диалоге с Достоевским выявил характер борьбы, разворачивающейся в современном мире: борьбы веры с неверием, мысли — с доктринерством, личности — с массой. Он был одним из первых европейских интеллектуалов, указавших на связь между проблемами Европы и тем видением человека, которое было послано из России Достоевским как предупреждение. Достоевский раньше многих увидел и понял страшную силу, нарождающуюся в недрах европейской цивилизации, — массу и человека массы. Россия раньше Европы начала переживать и проживать два явления, которые обнаруживали характер и глубину переоценки гуманистических ценностей. Это революционный социализм/марксизм и ницшеанство со свойственным им взрывным потенциалом богоборчества. Кризис христианства сделался болевой осью всей европейской цивилизации. «Как результат языческого восстания масс возникает феномен тоталитаризма как способ организовать и структурировать эти этосы. Тоталитарный способ правления стал фактором социализации и объединения масс, отказавшихся от наднациональной религии христианства (в Германии нацизм к тому же встал над старым спором католиков и протестантов, объединяя немецкие земли; в многонациональной и многоконфессиональной России марксизм снимал конфессиональные и национальные противоречия)» [17, с. 232].

Отказ от принципа личности — то общее, что объединяет все тоталитарные режимы. Именно к этому принципу взывал Достоевский, утверждая его вместе с верой в грядущее всечеловеческое братство. Обратимся к словам С. Л. Франка — философа, увидевшего в творчестве Достоевского возрождение поруганных

---

³ Видный чешский специалист по жизни и творчеству Т. Г. Масарика профессор Ян Зоухар на протяжении многих лет интенсивно занимался вопросом отношения Масарика к России. Зоухар подчеркнул, что «русский и славянский вопрос стал одной из тем жизни Т. Г. Масарика. <...> Масарик пытался проникнуть в суть русской мысли с 1870-х годов» [16, с. 249].

ценностей христианского гуманизма. «Достоевский не отворачивается с брезгливостью или презрением ни от одного человеческого существа, как бы дико, зло и слепо оно ни было. <...> Перед лицом морализирующего общественного мнения Достоевский — призванный адвокат своих падших, злых, слепых, буйствующих и бунтующих героев. Так как он ощущает именно онтологическую глубину темных, иррациональных сторон человеческого духа, то он непосредственно ощущает их *значительность*, видит в них искаженные и замутненные признаки чего-то истинно великого — как велика всякая подлинная, последняя реальность... Все, даже самые идеальные, мерилა добра, правды и разума меркнут перед величием самой онтологической реальности человеческого существа. Этим определена глубокая, трогательная человечность нравственного мирозерцания Достоевского. Можно сказать, что Достоевскому в сущности впервые удался настоящий *подлинный* гуманизм — просто потому, что это есть христианский гуманизм, который *во всяком*, даже падшем и низменном человеке видит человека как образ Божий» [18, с. 201].

Именно в связи с проблемой человека Достоевский рассматривал и «русский вопрос», в нем он искал возможность ответа на то, *что* грядет в историю европейского человечества. Идее насильственного объединения людей в рамках всемирной империи как выражения унаследованного католичеством римского принципа он противопоставил идею «протестующей» Германии. В Дневнике за январь–август 1877 г., обращаясь к геополитическим сюжетам, он настойчиво анализирует ситуацию объединения Германии и ее последствия для Европы. «Характернейшая, существеннейшая черта этого великого, гордого и особого народа, с самой первой минуты его появления в историческом мире, состояла в том, что он никогда не хотел соединиться, в признании своем и в началах своих, с крайне западным европейским миром, т. е. со всеми преемниками древнеримского призвания. Он *протестовал* против этого мира все две тысячи лет, и хоть и не представил (и никогда не представлял еще) своего слова, своего строго сформулированного идеала взамен древнеримской идеи, но, кажется, всегда был убежден, внутри себя, что в состоянии представить это новое слово и повести за собою человечество» [19, с. 179]. Взаимное истощение двух указанных мировых принципов выдвигает на первый план «идею славянскую, идею нарождающуюся, — может быть третью грядущую возможность разрешения судеб человеческих и Европы» [19, с. 9–10]. Достоевский саму судьбу Европы связывает с тем, что «вдвинется в человечество новый элемент, новая стихия, которая лежала до сих пор пассивно и косно и которая, во всяком случае и наименее говоря, не может не повлиять на мировые судьбы чрезвычайно сильно и решительно» [19, с. 10]. Мыслитель-провидец предчувствует, что «и нынешний век кончится в старой Европе чем-нибудь колоссальным, т. е. может быть, чем-нибудь хотя и не буквально похожим на то, чем кончилось восемнадцатое столетие, но все же настолько же колоссальным, — стихийным, и страшным, и тоже с изменением лика мира сего — по крайней мере, на западе старой Европы» [19, с. 173].

К. Ясперс справедливо напоминал, что философ — не пророк. «Но он служит представителем человеческого бытия на свой особый лад и часто тоже допускает промахи. Он хочет напоминать, передавать наследие, заклинать, взывать. Он не выдвигает притязания на то, чтобы ему следовали, но при удаче служит поводом

для того, чтобы другие приходили в себя. Он не обладает истиной, но живет в глубокой серьезности искания во времени» [20, с. 259–260]. Гениально осмыслив веяния своего времени, чреватого «реками крови и миллионами голов», Достоевский завещал наступающему столетию разрешение «русского и славянского вопросов». Масарик подхватил и критически осмыслил эти вопросы, ясно осознав, что «русская литература представляет собой форум политики, философии, религии, а также искусства и художественного слова» [2, с. 252]. Чешский мыслитель, обращаясь к творчеству русского писателя-провидца, стремился проникнуть в тайну русской души и вместе с тем — в тайну нации, сообразуя с ней интуиции собственного поиска путей рождения будущего государства — Первой Чехословацкой республики. Русская народная стихия, уже вполне проснувшаяся к началу XX в., была глубоко прочувствована Масариком. Он указал на связь между проблемами демократии, прогресса и возможностью противостоять насилию. Как показывает исследование Й. Попеловой⁴, в мировоззрении Масарика еще за 15 лет до начала Первой мировой войны вызревал важный прагматический разворот. Несмотря на все сложности, угрозы и вызовы наступающего XX столетия, чешский мыслитель после многочисленных сражений в области философской теории, политики и религии неуклонно двигался к решению практических задач освобождения своего народа. Роднившее его с Достоевским трагическое переживание философско-исторического кризиса окрашивается в тона трезвого оптимизма (европейского мелиоризма), выразившегося в ожидании нового утра и наступления новых начал [21, с. 234].

Для решения практических задач человека модерна оказалось недостаточно провидческих интуиций Достоевского. События, которые пророк и философ истории рассматривает *sub specie aeterni*, политик и социальный реформатор наблюдает *sub specie* насущных задач текущего момента. Мироощущение Масарика определяется новыми вызовами, которые задают практические ориентиры его философско-социологической мысли. «Новая Европа — это лаборатория, созданная на огромном кладбище мировой войны; лаборатория — это значит — необходим труд абсолютно всех. А демократия — современный вид демократии — только зарождается» [13]. Достоевский описывает экстремальные проявления человеческой природы в кризисных ситуациях, напоминая читателю о христианском гуманизме, который «все покрывает». Масарик избегает радикальных антитез в своих воззрениях, которые сам он называет «конкретизмом и плюрализмом» — поиском точного обозначения конкретных проявлений множественности и разнообразия в проявлениях жизни. Для него «нет противоречия между теорией и практикой, не противостоят друг другу ум и чувство, не исключают одна другую вера и наука, нет конфликта между политикой и нравственностью, нельзя противопоставлять тело и душу, нет дуализма между временным и вечным. Все эти искусственно разделенные, в противоположность возведенные понятия взаимно близки, идут навстречу друг другу, пронизывают и дополняют друг друга, образуя цельную, полную, конкретную реальность, из которой они были извлечены. Акцент делается именно на этой цельности и полноте, реальность необходимо воспринимать

---

⁴ Йиржина Попелова (1904–1985) — чешская исследовательница в области классической филологии, истории философии, этики, первая женщина-ректор университета в Чехословакии.

в целом, во всей ее полновесности [13]. Гуманизм для Масарика не завершающая точка, искупляющая всеобщее страдание. Это точка исходная, своего рода центр всех и всяческих человеческих усилий. «В своей завершенности, в своей полноте и совершенстве человеческие идеалы перестают исключать друг друга; додумывая до конца и совершенствуя наши дела, мы достигаем синтеза» [13]. В итоге вовсе не обязательно «искать таинственные, самые глубокие формулировки, последние слова для всех загадок жизни» [22, с. 62], достаточно любить человека и трудиться для его блага.

Заключение

Осуществленный в данном исследовании сравнительный анализ взглядов Достоевского и Масарика на характер гуманизма в кризисные эпохи истории позволяет сделать следующие выводы. Оттолкнувшись от последних вопросов жизни, Достоевский, а вслед за ним и Масарик, предложили (первый) художественную и (второй) социологическую аналитику человеческого бытия в эпоху девальвации христианских ценностей. Возникновение типа «нигилистического человекобога» как следствие распространения атеизма оба мыслителя рассматривают в связи с проблемой самоубийства. Достоевский анализирует inferнальный смысл «логического» самоубийства, тогда как Масарик рассматривает этот кризисный феномен социологически, задаваясь вопросом, возможна ли религия без откровения в качестве лекарства от этой социальной болезни. И русский писатель, и чешский мыслитель предлагают видение человека, сформированного борьбой веры с неверием, мысли — с доктринерством, личности — с массой. При этом Достоевский остается сторонником мистического единства национального принципа и религиозности. Масарику представляется, что в его творчестве «русская идея превращается в проблему власти, из куколки русского монаха выглядывает... царь!» [6, с. 137]. Чешский мыслитель последовательно критикует реликты мифологического сознания с позиций классического принципа разумности и гуманизма, который понимается им как явление наднациональное — иная, ненасильственная форма жизни, достигаемая путем нравственного совершенствования человека. Можно согласиться с исследовательницей и переводчицей «России и Европы» Масарика Э. Задорожнюк, «что загадки Достоевского он так и не разгадал, однако это неразгадывание ценнее многих чрезмерно благостных или столь же чрезмерно критических интерпретаций великого отечественного писателя и социального мыслителя» [23, с. 376]. Писатель-провидец, Достоевский, предчувствуя грядущие в истории европейского человечества колоссальные потрясения — «реки крови и миллионы голов», — остается верен христианскому гуманизму. Масарик как политик и социальный реформатор придерживается трезвого оптимизма в отношении будущего и избегает радикальных антитез в своих воззрениях. Его позиция — это «конкретизм и плюрализм», позволяющий воспринимать реальность в ее целостности и осуществлять гуманизм не экстенсивно, а интенсивно через деятельное очеловечивание себя.

Литература

1. Шестов, Л. (2001), Достоевский и Ницше (Философия трагедии), в: *Ницше: Pro et Contra*, СПб.: РХГИ, с. 445–597.
2. Masaryk, T. G. (1996), *Rusko a Europa. Studie oduchovných proudech v Rusku*, Díl III. část 2. a 3, Praha: Ústav T. G. Masaryka.
3. Berdajev, N. (2000), *Dostojevského pojetí světa*, prel. Mesnjankina, I. a Kranát, J., Praha: Oikúmené.
4. Hromádka, J. L. (1930), *Masaryk*, Praha: YMCA.
5. Masaryk, T. G. (1926), *Sebevražda hromadným jevem společenským moderní osvěty*, Praha: Čin.
6. Масарик, Т. Г. (2003), *Россия и Европа Эссе о духовных течениях России*, кн. 3, ч. 2–3, отв. ред. М. А. Абрамов СПб.: РХГИ.
7. Dostojevskij, F. M. (2003), *Diablolom posadnutý*, prel. Hegerov, V., Bratislava: Ikar.
8. Достоевский, Ф. М. (1994), *Дневник писателя. 1876 г.*, в: Достоевский, Ф. М., *Собрание сочинений*: в 15 т., т. 13, СПб.: Наука.
9. Гессен, С. И. (1932), Трагедия зла (философский образ Ставрогина), *Путь*, № 36, с. 44–74.
10. Масарик, Т. Г. (2000), *Россия и Европа Эссе о духовных течениях России*, кн. 1, отв. ред. М. А. Абрамов, СПб.: РХГИ.
11. Rádl, E. (1998), *Dějiny filosofie*, Praha: Votobia.
12. Čapek, K. (1990), *Hovory s T. G. M.*, Praha: Československý spisovatel.
13. Чапек, К. *Беседы с Масариком*, пер. Мартемьянова, В. А. URL: <https://library.md/m/articles/view/БЕСЕДЫ-С-Т-Г-МАСАРИКОМ> (дата обращения: 12.10.2022).
14. Katreničová, A. (ed.) (2021), *Žena hrdinka: Zborník príspevkov*, Košice: UPJŠ.
15. Katreničová, A. (2021), *Virgo, uxor, vidua. Panenstvo, manželstvo, vdovstvo*, Košice: UPJŠ.
16. Zouhar, J. (2016), Masaryk a Rusko. Poznámky k tématu, in: Nezník, P., Markov, B. a kol., *Dostojevskij a Nietzsche. Hľadanie človeka. Za a proti*, Košice: UPJŠ, pp. 235–250.
17. Кантор, В. К. (2019), Достоевский и Ницше в контексте европейского кризиса христианства конца XIX — начала XX века, в: Синеокая, Ю. В. (отв. ред.), *Ницше сегодня*, М.: ЯСК, с. 227–257.
18. Франк, С. Л. (1994), Достоевский и кризис гуманизма (К 50-летию дня смерти Достоевского), в: *Русские эмигранты о Достоевском*, СПб.: Андреев и сыновья, с. 196–203.
19. Достоевский, Ф. М. (1995), *Дневник писателя». 1877 г.*, в: Достоевский, Ф. М., *Собрание сочинений*, в 15 т., т. 14, СПб.: Наука, с. 5–415.
20. Ясперс, К. (2021), *Философская автобиография*, в: Ясперс, К., *Введение в философию. Философская автобиография*, М.: Канон+, с. 161–278.
21. Popelová, J. (1968), *Rozpad klasické filosofie (Vznik soudobého filosofického schizmu)*, Praha: Svoboda.
22. Masaryk, T. G. (1990), *Ideály humanitní. Problém malého národa. Demokratismus v politice*, Praha: Melantrich.
23. Задорожнюк, Э. Г. (1997), Т. Г. Масарик о Ф. Достоевском. Вступительная заметка и перевод с чешского, *Вопросы литературы*, № 5, с. 376–379.

Статья поступила в редакцию 17 января 2023 г.;
рекомендована к печати 7 сентября 2023 г.

Контактная информация:

Незник Петер — д-р филос. наук, доц.; peter.neznik@upjs.sk.

Артамошкина Людмила Егоровна — д-р филос. наук; le.artspb@gmail.com.

---

* The research was carried out within the framework of the VEGA project no. 1/0257/20 “The concept of female character in the medieval exegetic literature” / “Koncept ženy hrdinky v stredovekej exegetickej literatúre” supported by the Scientific Grant Agency of the Ministry of Education, Science, Research and Sports of the Slovak Republic and the Slovak Academy of Sciences.

The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation no. 22-18-00214 at the Immanuel Kant Baltic Federal University, <https://rscf.ru/project/22-18-00214/>.

F. M. Dostoevsky and T. G. Masaryk. Tragic Humanism and the Philosophy of Crisis*

P. Nezník¹, L. Artamoshkina²

¹ Pavol Jozef Šafárik University,
2, Šrobarova ul., Košice, 041 80, Slovakia

² Lev Gumilev Memorial Apartment,
1/15, ul. Kolomenskaya, St. Petersburg, 191040, Russian Federation

For citation: Nezník P., Artamoshkina L. F. M. Dostoevsky and T. G. Masaryk. Tragic Humanism and the Philosophy of Crisis. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2023, vol. 39, issue 4, pp. 632–644. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.403> (In Russian)

The article presents a comparative analysis of the views by Dostoevsky and Masaryk on the nature of humanism in times of crisis. The focus of the author's attention is aimed, firstly, at the attitude of both thinkers to the "last" questions of human life, which for the Russian writer and for the Czech philosopher were directly related to the problem of suicide. Dostoevsky, whose novels contain a whole gallery of the types of suicides, considers that social disease in the context of atheistic logic that gave rise to the "nihilistic demonism". Masaryk removed the problem of suicide from the field of psychopathology, analyzing its philosophical and historical meaning and social consequences. The triumph of atheism and nihilism appears to both thinkers as a harbinger of the coming revolutionary upheavals, a pagan uprising of the masses. Secondly, the article demonstrates how, in the situation of the crisis of Christianity, which became the painful axis of the entire European civilization, the content of humanism is updated in accordance with the challenges of the time. Anticipating the emergence of a "new element" in the world history, Dostoevsky outlined the contours of the solution of the "Russian" and "Slavic" issues. He remained a supporter of the mystical unity of the national principle and religiosity and affirmed the redemptive power of Christian humanism. Masaryk consistently criticized the relics of mythological consciousness from the standpoint of the classical principle of rationality and humanism, which he understood as a supranational phenomenon — a non-violent form of life, achieved not extensively, but intensively through the active humanization of oneself. In a dialogue with Dostoevsky, the Czech thinker overcame the tragic experience of the philosophical and historical crisis, offering a position of "concreticism and pluralism", which allows one to perceive reality in its entirety and cultivate love for an individual person.

Keywords: Dostoevsky, Masaryk, philosophy of crisis, tragic humanism, suicide, uprising of the masses, Slavic question.

References

1. Shestov, L. I. (2001), *Dostoevsky and Nietzsche (Philosophy of Tragedy)*, in: *Nitsشه: Pro et Contra*, St. Petersburg: RKhGI Publ., pp. 445–597. (In Russian)
2. Masaryk, T. G. (1996), *Rusko a Europa. Studie o duchovních proudech v Rusku*, Díl III. část 2. a 3, Praha: Ústav T. G. Masaryka.
3. Berdajev, N. (2000), *Dostojevského pojetí světa*, prel. Mesnjankina, I. a Kranát, J., Praha: Oikúmené.
4. Hromádka, J. L. (1930), *Masaryk*, Praha: YMCA.
5. Masaryk, T. G. (1926), *Sebevražda hromadným jevem společenským moderní osvěty*, Praha: Čin.
6. Masarik, T. G. (2003), *Russia and Europe Essay on the spiritual currents of Russia*, trans. by Abramov, M. A., book 3, pt. 2–3, St. Petersburg: RKhGI Publ. (In Russian)
7. Dostojevskij, F. M. (2003), *Diablol posadnutý*, trans. by Hegerov, V., Bratislava: Ikar.
8. Dostojevskij, F. M. (1994), *Writer's Diary. 1876*, in: Dostojevskij, F. M., *Sobranie sochinenii*, in 15 vols, vol. 13, St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian)
9. Gessen, S. I. (1932), *The tragedy of evil (philosophical image of Stavrogin)*, *Put'*, no. 36, pp. 44–74. (In Russian)

10. Masarik, T. G. (2000), *Russia and Europe Essay on the spiritual currents of Russia*, trans. by Abramov, M. A., book 1, St. Petersburg: RKhGI Publ. (In Russian)
11. Rádl, E. (1998), *Dějiny filosofie*, Praha: Votobia.
12. Čapek, K. (1990), *Hovory s T. G. M.*, Praha: Československý spisovatel.
13. Chapek, K., *Conversations with Masaryk*, trans. by Martem'yanova, V. A. Available at: <https://library.md/m/articles/view/БЕСЕДЫ-С-Т-Г-МАСАРИКОМ> (accessed: 12.10.2022). (In Russian)
14. Katreničová, A. (ed.) (2021), *Žena hrdinka. Zborník príspevkov*, Košice: UPJŠ.
15. Katreničová, A. (2021), *Virgo, uxor, vidua. Panenstvo, manželstvo, vdovstvo*, Košice: UPJŠ.
16. Zouhar, J. (2016), Masaryk a Rusko. Poznámky k tématu, in: Nezník, P. Markov, B. a kol., *Dostojevskij a Nietzsche. Hľadanie človeka. Za a proti*, Košice: UPJŠ, pp. 235–250.
17. Kantor, V. K. (2019), Dostoevsky and Nietzsche in the context of the European crisis of Christianity in the late 19th — early 20th century, in: Sineokaja, Ju. V. (ed.), *Nitsshe segodnia*, Moscow: IaSK Publ. (In Russian)
18. Frank, S. L. (1994), Dostoevsky and the Crisis of Humanism (To the 50th Anniversary of Dostoevsky's Death), in: *Russkie emigranty i Dostoevskii*, St. Petersburg: Andreev i synov'ia Publ. (In Russian)
19. Dostoevskij, F. M. (1995), *Writer's Diary. 1877*, in Dostoevskij, F. M., *Sobranie sochinenii*, in 15 vols, vol. 14, St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian)
20. Jaspers, K. (2021), *Philosophical autobiography*, in: Jaspers, K., *Vvedenie v filosofiiu. Filosofskaia avtobiografii*, Moscow: Kanon+ Publ. (In Russian)
21. Popelová, J. (1968), *Rozpad klasické filosofie (Vznik soudobého filosofického schizmatu)*, Praha: Svoboda.
22. Masaryk, T. G. (1990), *Ideály humanitní. Problém malého národa. Demokratismus v politice*, Praha: Melantrich.
23. Zadorozhnyuk, E. G. (1997), T. G. Masaryk about F. Dostoevsky. Introd. note and trans. from Czech, *Voprosy literatury*, no. 5, pp. 376–379. (In Russian)

Received: January 17, 2023
Accepted: September 7, 2023

Authors' information:

Peter Nezník — PhD, C. Sci. in Philosophy, Associate Professor; peter.neznik@upjs.sk
Ludmila Artamoshkina — Dr. Sci. in Philosophy; le.artspb@gmail.com